МУДРОСТЬ И ЮРОДСТВО ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА (РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТАТЬЁЙ М. В. ЧЕКМАРЁВА И А. С. ЧУПРОВА «ВЕКОРДИЗМ, ИЛИ МИРООЩУЩЕНИЕ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ»)

УДК 141.7

А. Р. ЕРМОЛЮК, А. В. ЕРМОЛЮК

Статья М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова «Векордизм, или Мироощущение как способ защиты» представляет собой прекрасный повод для дискуссии о кризисных явлениях в духовной жизни современного общества. Обозначим сразу наше отношение к данной работе. Достоинство статьи, на наш взгляд, состоит в том, что его авторы пытаются уйти от бытовых рассуждений про «низкую нравственность» и продвинуться на уровень достаточно серьёзных научных обобщений. Однако заключительная часть статьи (напомним, там обосновывается сдержанно-оптимистическая оценка современного общества и его перспектив) кажется нам небесспорной.

Тема безумия занимает в статье значительное место. Само её название содержит слово «векордизм», которое авторы определяют как «способ защиты от агрессивного мира путем использования ресурса безумия». Обращение М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова к осмыслению безумия как социального феномена в рамках разговора о современном обществе и текущем культурном моменте является весьма симптоматичным и дает возможность высказать ряд соображений. Опорой для наших размышлений послужат прежде всего труды самобытного русского философа В. В. Розанова (1856–1919). Этот замечательный социальный мыслитель и чуткий аналитик не только много и верно писал о духовном кризисе западноевропейской и русской цивилизаций, но и специфическим образом использовал «ресурс безумия» в своём творчестве и даже в жизни, из-за чего многие современники считали его не вполне адекватным.

Как очевидно, «безумие», о котором завели разговор М. В. Чекмарев и А. С. Чупров, не связано с нарушениями психики, это социальное и культурное явление. Причём не новое, а известное уже не одно столетие.

С точки зрения самого «безумца» дело обстояло так. В окружающем обществе существуют нормы, необходимость следовать которым большинство считает самоочевидной. Если сознательно нарушить эти нормы, причём нарушить без выгоды для себя, то можно приобрести в глазах окружающих «статус» умалишённого.

Кому и зачем это «превращение в сумасшедшего» (напомним, речь не идёт о психическом расстройстве) могло понадобиться?

Во-первых, нельзя исключать, что тем самым человек стремится «невидимой стеной» огородить себя от окружающего социального порядка, от господствующей культуры. Такой образ действий может избрать для себя тот, кто живёт в иноязычном или иноверном окружении, да и вообще всякий, кому по причинам личного или идеологического характера настолько надоела реальность, в которой он живёт, что способ ухода от неё принципиальной роли уже не играет. «Я остаюсь внизу и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу», – говорит герой «Москвы-Петушков» [2, с. 36]. Примерно в том же духе мог рассуждать и человек, притворявшийся умалишённым. «В Советской России сумасшедший дом – это единственное место, где может жить нормальный человек» [3, с. 238], – говорил один из персонажей «Золотого телёнка», пытавшийся симулировать сумасшествие. Окружающие освобождают «ненормального» от необходимости следовать многим социальным условностям. Потому что с «дурачка» – какой спрос?

Во-вторых, притворное безумие могло быть специфической попыткой «вылечить» общество, которое отошло от здравых принципов, погрязло во лжи и лицемерии. «Безумием мнимым безумие мира обличивши» [4, с. 14], – поётся в тропаре блаженной Ксении Петербургской, и эти слова раскрывают суть второго типа притворного безумия. В православной традиции он называется юродством. Главное отличие юродивого от первого типа притворного безумия – демонстративность. Юродство направлено не на уход от общества, а на его преображение, юродивый всегда бросает миру определённый вызов.

Между тем второй путь избирали не только православные юродивые Средневековья.

Был он известен и людям более поздних эпох.

В. В. Розанов наблюдал появление ростков того общества, становление которого во всей силе мы наблюдаем сейчас, и о котором пишут М. В. Чекмарёв и А. С. Чупров. Сторонник самодержавия, В. В. Розанов находился вне того интеллектуального мейнстрима, который желал конституции и реформ или же грезил об очистительной революционной буре. Но и в «официозе» не был В. В. Розанов своим: критиковал действовавшее семейное законодательство, считал, что в смысле «человечности», в понимании святости семьи и деторождения Ветхий Завет превосходит Новый.

Чтобы в этих условиях всё же быть услышанным, В. В. Розанов вносит в своё творчество элементы юродства: с одной стороны, экспрессивность, эпатажность, крикливость, внешнюю безосновательность и даже непоследовательность, с другой — созерцательность, наличие внимающей аудитории. Проявлялись эти особенности и в поведении мыслителя — мемуаристы отмечали эпатажность поведения, резкость выражений, любопытство, склонность к вынесению на публичное обсуждение закрытых, табуированных тем. То, что современники порой оценивали как невоспитанность, невежливость В. В. Розанова, на деле вписывается в образ юродивого (мыслителя уже в начале XX века называл юродивым Р. В. Иванов-Разумник).

Достиг ли философ своей цели? Оправдала ли себя стратегия векордизма? Ответить однозначно сложно. Розанов добился широкой известности, но многие из читающей публики не любили его либо понимали превратно. Розанов не спас Российскую Империю, но где и когда юродивые спасали империи? Розанов, безусловно, был и является для многих властителем дум, но направленность и последствия розановского влияния на умы не поддаются учёту.

Рассмотрим теперь, как открытый нарушитель общепринятых норм (но не еретик и не преступник) выглядел с точки зрения общества.

Доминирует определённая система норм и ценностей, при этом она рассматривается как «естественная» и общечеловеческая. Осознанно нарушить эти нормы, кажется, способен лишь «ненормальный»: носителям доминирующей культуры сложно поверить, что кто-то может нарушить нормы, необходимость следования которым самоочевидна и не нуждается в доказательствах.

Ещё в эпоху традиционных обществ каждое общество, отталкиваясь от своей нормативной системы, по-своему определяло, кого считать «нормальным», а кого — безумным. Так, апостол Павел чётко сознавал: для язычников верующие в Распятого Бога христиане — безумцы. Он прямо пишет об этом в Первом послании Коринфянам: «Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых — сила Божия» (1 Кор., I, 18). Поэтому, когда христианство возобладало над язычеством, многим казалось, что рушится мир, что происходящее абсурдно. Кому-то эта ситуация может напомнить нынешнюю, но сравнение было бы чересчур поверхностным. В древности и Средневековье одна религиозная система норм и ценностей приходила на смену другой. Современная ситуация — принципиально иная. По верному замечанию М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова, «прежние ценностные ориентиры ушли в прошлое, а новые пока не наделяют личностное существование человека приемлемым смысловым содержанием», «нет готовых схем для того, чтобы прожить жизнь, необходимо искать способ сделать это как-то по-своему» [6, с. 6, 10].

Интересно, что почти век назад аналогичным образом описывал ситуацию В. В. Розанов. Правда, в работе «Апокалипсис нашего времени» он более определённо высказывался о причинах её возникновения: «Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем, в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства; и в эти пустоты проваливается всё: троны, классы, сословия, труд, богатства» [5, с. 597].

Иными словами, если в несовременных обществах человека оценивали по универсальной ценностной религиозной шкале, то в нынешнем обществе, в результате девальвации религиозных ценностей, такая шкала принципиально отсутствует. С одной стороны, прослыть безумцем в таком обществе сложнее, чем в обществе со строгой системой ценностей и норм. Отсюда — терпимое отношение к патологическим выходкам известных людей, которые списываются на эпатаж, чудаковатость и эксцентричность. Классическим примером может служить Сальвадор Дали. Живи он в XIX веке, не говоря уже о более ранних временах, он едва ли продолжал бы оставаться столь же респектабельным членом общества.

С другой стороны, общество нового типа не в состоянии предложить человеку простой и ясный набор жизненных норм. Понятно, что наименее комфортно в таком обществе себя чувствуют люди верующие, сохранившие

от предыдущей эпохи нерелятивную ценностную систему и желающие жить по ней дальше. Ведь сегодня любой, кто настаивает на том, что человека следует измерять Истиной, а не наоборот, рискует прослыть фанатиком и едва ли не экстремистом. Однако некомфортно в таких условиях порой и атеистам, по инерции продолжающим верить в существование общезначимых ценностей. Вот психологическая зарисовка, созданная неверующим С. Довлатовым в знаменитом «Компромиссе»: «Я вдруг утратил чувство реальности. В открывшемся мире не было перспективы. Будущее толпилось за плечами. Пережитое заслоняло горизонт. Мне стало казаться, что гармонию выдумали поэты, желая тронуть людские сердца». [1, с. 260] Именно отсутствием признанных духовных и нравственных ориентиров, на наш взгляд, объясняется упоминаемое М. В. Чекмарёвым и А. С. Чупровым распространение мотивов безумия в современном кинематографе и других видах искусства.

Ощущение абсурдности существования должно, по мнению М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова, оставить человечество, когда кончится переходный период, когда вырастет поколение, в котором никто никогда не воспитывал коллективизм. Однако мы полагаем, что этого не произойдёт. Ощущение хаотичности мира не кончится оттого, что все к ней привыкнут. Ведь стремление к определённости — сущностно в человеке. Пока люди живут на земле, им будет необходима простая и ясная картина мира, причём такая, которая базировалась бы на абсолютных началах, охватывала все стороны реальности и примиряла с конечностью существования. Значит, эмпирический элемент в ней не должен быть единственным и главным. Мировоззрение, которое отвечает указанным требованиям, — это мировоззрение религиозное.

«Все потрясены. Все гибнут, все гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания» [5, с. 597], — писал В. В. Розанов, имея в виду, конечно, религиозное содержание. Надежда на то, что эту пустоту можно заполнить некими «обновлёнными формами духовности», беспочвенна. Религия, как уже говорилось, ценна тем, что даёт человеку ощутить «высшее» над собой. Рукотворные «обновления» не только прерывают цепочку живой духовной традиции, но и ставят человека выше Абсолюта, выхолащивают метафизическое содержание, которое как раз и ценно в религии.

Вслед за В. В. Розановым мы рассматривам религию как единственный мировоззренческий ресурс, способный дать человеку предельную определённость существования. Поэтому преодоление тех кризисных явлений в духовной жизни, которым посвятили статью М. В. Чекмарёв и А. С. Чупров, могло бы лежать через искреннее возвращение широких масс населения к традиционному религиозному мировоззрению и образу жизни. По всей видимости, в обозримом будущем этого не произойдёт, а значит, нам придётся продолжать переживать то, что проницательный В. В. Розанов назвал «апокалипсисом нашего времени».

1. Довлатов С. Компромисс / С. Довлатов // Довлатов С. Зона. Компромисс. Заповедник. – М. : Независимое изд-во «ПИК», 1991. С. 131–266.
2. Ерофеев В. В. Москва – Петушки: поэма / В.В. Ерофеев. – М. : Изд-во «Прометей», 1989. 128 с.
3. Ильф И. А. Золотой теленок / И.А. Ильф, Е.П. Петров. – Челябинск : НВП «Пластик-информ», 1992. 414 с.
4. Православный церковный календарь. 1997. – М. : Изд-во Московской Патриархии, 1996. 112 с.
5. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени / В. В. Розанов // Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. – М. : Эксмо, 2008. С. 595–682.
6. Чекмарев М.В. Векордизм, или Мироощущение как способ защиты / М. В. Чекмарев, А. С. Чупров // Социум и власть. 2011. № 4. С. 5–12.